

ПРОСТО О СЛОЖНОМ

ГЕГЕЛЬ

ЗА 90 МИНУТ

ВСЯ МИРОВАЯ ФИЛОСОФИЯ ЗА 90 МИНУТ!

УДК 1(091) (430)
ББК 87.3 (4 Гем)
С84

Оформление
дизайн-студия «Дикобраз»

Перевод с английского Н. Мишиевой

Все права защищены
Авторизованный перевод с издания
Paul Strathern
Hegel in 90 minutes

Подписано в печать 27.02.06. Формат 84×108^{1/2}.
Гарнитура «Ньютон». Бумага газетная. Усл. печ. л. 4,2.

Доп. тираж 5000 экз. Заказ № 669.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры
Санитарно-эпидемиологическое заключение
№77.99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.05

Стретерн, П.

С84 Гегель за 90 минут /Пол Стретерн; пер. с англ.
Н.Мишиевой. - М.: Астрель: АСТ, 2006. - 78,[2]с. -
(Философы за 90 минут).

ISBN 5-17-021812-5(000 «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-07839-6(000 «Издательство Астрель»)

ISBN 1-56663-154-8 (англ.)

Диалектический метод Гегеля породил самую грандиозную и
могущественную систему в истории философской мысли. А Карл
Маркс, впитав идеи Гегеля, разработал учение, которое породило
самую громоздкую и могущественную политическую систему в ис-
тории человечества. Так диалектический метод действовал на прак-
тике - хотя, узнай об этом Гегель, он, вероятно, был бы удивлен.

В книге дан краткий обзор жизни и идей философа.

УДК 1(091) (430)
ББК87.3(4Гем)

Содержание

Введение	4
Жизнь и труды Гегеля	6
Послесловие	55
Из произведений Гегеля	59
Важные даты в философии	69
Эпоха Гегеля	73
Хронология жизни Гегеля	75
Об авторе	77
Именной указатель	78

ISBN 5-17- 021812-5
(ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-271-07839-6
(ООО «Издательство Астрель»)
ISBN 1-56663-154-8 (англ.)

©P. Strathern, 1997
© ООО «Издательство Астрель», 2004

www.infanata.org

Введение

1770 год — год рождения Гегеля — был знаменательным по нескольким причинам. В этом году в Кенигсбергском университете Кант защитил свою диссертацию «О форме и принципах чувственно воспринимаемого и умопостигаемого мира». В этом же году родились поэты Гельдерлин и Вордсворт. Начиналась эпоха лирической восторженности и сухой систематизации, крайнего объективизма и предельной субъективности. Европа стояла на пороге величайших перемен, подобных которым она не помнила со времен Ренессанса. В политике выражением этих перемен стала Французская революция, в искусстве — движение романтизма.

ВВЕДЕНИЕ

Тем временем промышленная революция меняла облик континента. А всего через несколько лет после смерти Гегеля Маркс уже готовил почву для новой революции, которой в XX веке было суждено изменить облик всего мира.

Гегель не стоял в стороне от этих изменений. Студентом он восторгался Французской революцией, а затем (вполне в духе своего знаменитого диалектического метода) резко поменял свои убеждения и стал воспевать архиконсервативное Прусское государство.

Диалектический метод Гегеля породил самую громоздкую и могущественную систему в истории философской мысли, монолитную, как то государство, которое она должна была прославлять. А Карл Маркс, впитав идеи Гегеля, разработал учение, которое породило самую громоздкую и могущественную политическую систему в истории человечества (любопытно, что многими своими чертами эта система поразительно напоминала Прусское государство).

Так диалектический метод действовал на практике — хотя, узнай об этом сам Гегель, он, вероятно, был бы удивлен.

Жизнь и труды Гегеля

«Величайшая наглость в преподнесении чистой бессмыслицы, в наборе бессмысленных, диких сочетаний слов, которые до сих пор можно было услышать только в доме для умалишенных, нашла, наконец, свое выражение у Гегеля; она сделалась орудием самой грубой из когда-либо известных мистификаций и сопровождалась успехом, который поразит потомство и останется в веках памятным свидетельством немецкой глупости». Так писал Шопенгауэр, коллега Гегеля по Берлинскому университету. Мы приводим здесь эти слова не для того, чтобы создать у читателей предвзятое мнение о гегелевской философии, а для того, чтобы предостеречь их. Для Гегеля фи-

лософия — занятие чрезвычайно серьезное, поэтому договоримся сразу: никаких шуток.

Как сказал один ревностный английский проповедник, который, выступая в Бате, заметил, что разговоры о геенне огненной только забавляют собравшееся послушать его избранное общество: «Для смеющихся нет надежды».

Гегель создал небывало сложную философскую систему, понимание которой требует предельной концентрации. Поэтому Шопенгауэр, с его архиострым умом, похоже, просто не стал утруждать себя ее пристальным изучением.

С другой стороны, Георг Вильгельм Фридрих Гегель родился 27 августа в Штутгарте. Семья будущего философа насчитывала не одно поколение чиновников, а его отец служил в Вюртембергском казначействе. В дальнейшем напоминанием о среде, в которой вырос Гегель, будет сильный швабский акцент, который он сохранит до конца своих дней, как и твердое убеждение в том, что скромность — один из главных признаков подлинной культуры.

У Гегеля было слабое здоровье, в детстве и отрочестве он перенес несколько тяжелых заболеваний. В 6 лет мальчик чуть не умер от оспы.

Больше недели он ничего не видел, на лице впоследствии осталось множество оспинок. В 11 лет он перенес лихорадку, которой заразилась вся семья и от которой умерла его мать. А уже будучи студентом, заболел малярией и провел в постели несколько месяцев.

По мере взросления у Гегеля пробудилась тяга к чтению. Он читал все подряд: книги, газеты, трактаты по любым проблемам, которые только могли прийти ему в голову. При этом уже в раннем возрасте Гегель считал, что во всем должна быть система, и добросовестно переписывал в свой дневник отрывки из прочитанного. Эта, по его собственному выражению, «мельница цитат», ставшая для него настоящей школой педантичности, содержала высказывания по самым разным вопросам — от физиогномики до философии, от геометрии до ипохондрии. События из личной жизни заносились в дневник только в том случае, если они могли служить подтверждением какого-либо абстрактного принципа. Если же не происходило ничего достойного внимания, Гегель с подобающей ему серьезностью описывал причины столь плачевного положения дел.

Любознательный читатель, заглянув в эту интеллектуальную «лавку древностей», обнаружит, что рассказ о пожаре соседствует здесь с описанием концерта, а далее следуют: повествование о наступивших холодах и анализ данного явления; краткий разбор проповеди «Жажда денег — корень всех зол»; перечисление достоинств полученного в подарок латинского словаря. Как отмечает один знаток гегелевского творчества, «он пишет речь на латыни, объясняет, почему тему для латинского сочинения нельзя диктовать по-немецки, на полях записывает свое школьное расписание; он вспоминает, как они с друзьями видели хорошеньких девушек; комментирует Вергилия и Демосфена; ему интересно узнать, как устроены музыкальные часы и как используют атлас звездного неба, а в воскресенье он занимается тригонометрией».

Трудно переоценить значение этого дневника как свидетельства фантастической эрудиции и вместе с тем неожиданной в столь молодом человеке педантичности.

Перелистывая массивные тома сочинений Гегеля, встречаешь столько ссылок и цитат, что труд-

но понять, как все это богатство мог вместить в себя ум одного человека. Если эти цитаты и содержат некоторые неточности, то это только лишний раз подтверждает, что Гегель был человеком поистине энциклопедического ума. Гегель всегда цитировал по памяти: он не любил отвлекаться от своих размышлений только для того, чтобы проверить верность цитаты по первоисточнику.

Кэрд, один из ранних биографов Гегеля, пишет, что отец философа «во всем любил порядок и был по натуре консерватором, как и подобало человеку его положения». По-видимому, этот типичный служащий провинциального казначейства не слишком интересовался своими детьми. В это время самым близким для Гегеля человеком была его сестра Христина. Гегель был старше сестры на три года. Лишившись матери, дети сильно привязались друг к другу. Эта необычайная душевная близость позволила Гегелю сформулировать очередной абстрактный принцип: любовь сестры к брату — вот высшая форма любви. Позже в качестве иллюстрации этого принципа он будет ссылаться на «Антигону» Софокла. Антигона предает земле тело своего брата, хотя и знает, что за это ей положена

смерть. Выполнив свой долг перед братом, она покончила с собой. Результатом ее поступка становятся новые самоубийства и всеобщее отчаяние. Как мы увидим чуть позже, гнетущая атмосфера этой греческой трагедии очень точно отражала сущность отношений между Гегелем и его сестрой. Впечатлительная Христина смотрела на своего всеведущего брата, как на Бога. Любовь к нему приняла у нее форму болезненной привязанности, оказавшей впоследствии трагическое влияние на ее судьбу.

В 18 лет Гегель поступил на богословское отделение Тюбингенского университета. Хотя у него были все задатки первоклассного чиновника, родители хотели, чтобы он посвятил себя служению Богу. К тому времени интересы Гегеля уже выходили далеко за рамки богословия, однако по-настоящему интересоваться философией он стал только в университете. Благодаря этому интересу в Тюбингене Гегель сблизился с двумя выдающимися людьми того времени. Первым был Гельдерлин, страстный поклонник культуры Древней Греции, ставший впоследствии одним из величайших немецких поэтов. Вторым — Шеллинг, чья про-

никнутая романтическим духом натурфилософия предвосхитила романтизм XIX века, возникший в качестве протеста против ограниченности рационализма. Оказавшись в таком «звездном» окружении, Гегель и сам вскоре превратился в бунтаря-романтика. Узнав о вспыхнувшей во Франции революции, Гегель с Шеллингом отправились на рассвете на рыночную площадь, чтобы посадить там «дерево свободы».

В университете Гегель увлекся древнегреческой культурой и философией Канта. Он восторженно отзывался о кантовской «Критике чистого разума» и считал ее публикацию семью годами раньше — в 1781 году — «величайшим событием за всю историю немецкой философии».

Чтобы понять значение Канта для развития немецкой теоретической мысли, необходимо обратиться к истории философии. В XVIII веке шотландский философ Юм заявил, что философское знание не может быть сколько-нибудь достоверным, и провозгласил опыт единственным надежным источником знаний. Эмпирическая философия Юма отрицала возможность создания новых философских систем. Для построения

любой новой системы необходима причинность (причинно-следственные связи), однако существование таких связей доказать невозможно. Мы можем наблюдать, как одно явление следует за другим во времени, но из этого нельзя заключить, что между этими явлениями существует связь. Казалось, наступил конец философии.

Однако Канту удалось предотвратить эту катастрофу. Он предположил, что причинно-следственные связи — лишь один из способов восприятия мира. Юм был прав: причинности как таковой не существует, зато она существует в нас самих и позволяет нам познавать мир. Через нее мы воспринимаем мир, как воспринимаем его через пространство, время, цвет и т. д.

Исходя из этого положения, Кант разработал всеобъемлющую философскую систему, основанную на принципах разума, а затем изложил свои взгляды в ряде почти не поддающихся пониманию трудов. Так началась славная эпоха немецкой классической философии, возвышенной и многословной. Гегель был в восторге: в трудах Канта угадывался ум столь же энциклопедический (и столь же прозаичный), как и его собственный.

Итак, Гегель штудировал Канта, урывками читал древних классиков и исправно поставлял на свою «мельницу цитат» новые порции урожая. Однокашники называли его не иначе как «старик» — видимо, потому, что он имел репутацию скучного человека и был известен своей маниакальной страстью к самообразованию. К моменту окончания университета в 1793 году Гегель решил, что пастором он не будет. Больше всего ему хотелось получить место в университете, но, как ни странно, особых академических лавров он не снискал. В его выпускном свидетельстве говорится, что его познания в философии весьма посредственны.

Как это часто бывает с людьми незаурядными и еще чаще — с посредственностями, в университете Гегель читал книги, по преимуществу не имевшие никакого отношения к университетской программе. Теперь он намеревался продолжить это хаотическое самообразование, а чтобы зарабатывать на жизнь, начал давать частные уроки. Три года он работал домашним воспитателем в Берне, столице Швейцарии. В это время он много занимался в библиотеке и был очень одинок.

Гегель находил утешение в общении с природой. Любопытный штрих к психологическому портрету Гегеля — его рассказ о своем восприятии величественной альпийской природы. «Природа примиряет меня с самим собой и с другими людьми, — пишет Гегель. — Поэтому я так часто ищу защиты у нашей истинной матери. Она помогает мне отгородиться от людей и не вступать с ними в какие-либо соглашения».

Однако величественные альпийские вершины казались Гегелю «вечно мертвыми»; водопады же, напротив, были олицетворением свободы, игры, вечного движения.

По мнению психолога Шарфштейна, суровые громады гор ассоциировались у Гегеля с давящей неподвижностью депрессии, а водопад символизировал радость человека, от этой депрессии освободившегося. Возможно, здесь действительно была какая-то психологическая подоплека; возможно, это лишь очередная попытка найти скрытый смысл там, где его нет. Как бы мы ни относились к этой теории, одно известно наверняка: в те годы Гегеля мучили приступы глубокой депрессии. Более поздние произведения и портреты философа

фа дают основание полагать, что этот недуг преследовал его на протяжении всей жизни.

Вдохновившись творчеством своего героя-Канта, — Гегель пишет ряд религиозных трактатов, в которых критикует христианство за авторитарность, и «Жизнь Иисуса», где Христос представлен почти исключительно как светская фигура. Слова гегелевского Христа поразительно напоминают высказывания Канта: вместо мудрой простоты евангельских заповедей читателя потчуют вычурностью и тяжеловесностью прусского философствования. В основу своего нравственного учения Кант положил так называемый категорический императив: «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом». Это правило явно перекликается со словами Христа: «Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними». Гегель решил перещеголять своего кумира, в результате чего Христос у него произносит следующую фразу: «Если ты можешь пожелать, чтобы какой-либо закон стал всеобщим законом среди людей, и если ты считаешь его за-

коном для самого себя — согласно такой максиме ты и должен поступать». Гегелевская попытка изобразить Христа была бескрылой по стилю и содержанию, и позже Гегель сам пожалел об этом «чудесном перевоплощении» (при жизни Гегеля книга опубликована не была, а в старости он попытался уничтожить все экземпляры «Жизни Иисуса»).

В 1796 году друг Гегеля Гельдерлин помог ему получить место воспитателя во Франкфурте, но, приехав туда, Гегель обнаружил, что Гельдерлин без памяти влюблен в жену местного банкира, казавшуюся ему воплощением духа Древней Греции. Гегель снова оказался предоставленным самому себе. Чтобы отогнать усиливающуюся меланхолию, он с новым рвением принялся за занятия. В свободное время, которого у него было не так уж много, он начал сочинять невыносимо тоскливые, неуклюжие стихи.

«Что посвященный запретил себе сам, несовершенным душам мудрый закон запретил, Чтобы они не могли открыть никому, что он в святую ночь испытал, Чтобы его высокую душу крикливый их вздор от размышлений не мог отвлечь, чтобы, услышав их

болтовню, он не разгневался на божество, Чтобы само божество не оказалось втоптаным в грязь».

Все-таки сила Гегеля — в прозе, а не в поэзии.

В эти годы страдавший от одиночества Гегель испытал своеобразное внутреннее озарение. Ему словно открылись глубинная сущность мира, божественное единство космоса, где разделение на конечные объекты — лишь иллюзия, все взаимозависимо и в основе всего — целое. Гегель читал Спинозу, еврейского философа-пантеиста XVII века. По-видимому, философия последнего и позволила Гегелю увидеть мир именно таким.

Философская система Спинозы — сооружение не менее грандиозное, чем философия Канта. Спиноза выстроил ее по образцу евклидовой геометрии. Взяв за основу совокупность аксиом и определений и доказывая ряд вытекавших из них теорем, философ представил мир в виде бесконечной системы, удивительно гармоничной и разумной. Эта геометрическая система, Вселенная — есть Бог, и только Он вполне реален. Он (а значит, и бесконечная Вселенная, которая содержится в Нем) не заключает в себе никакого отрицания и подчиняется абсолютной логической необходимо-

сти. Наше видение мира как чего-то несовершенного, порочного, конечного и полного случайностей — следствие ограниченности человеческого ума; тем не менее люди способны осознать абсолютную необходимость и объективное существование бесконечного целого.

Под влиянием этого мистического опыта Гегель решил отказаться от таких развлечений, как поэзия, богохульство и ведение дневника в форме энциклопедии, и полностью посвятить себя философии. Вся последующая жизнь Гегеля была попыткой выразить это новое видение мира словами и поставить его на прочный рациональный фундамент. Плодом этих размышлений стала его собственная всеобъемлющая система.

С самого начала эта система во многом напоминала философию Спинозы, хотя в ней, безусловно, не было такой геометрической четкости. В том, что касалось стиля, Гегель был по-прежнему солидарен с Кантом: чем запутаннее, тем лучше. Однако именно благодаря Спинозе Гегель перестал смотреть на вещи исключительно сквозь призму кантовской философии. Оказалось, что это не единственно возможное объяснение мира.

В 1799 году умер отец Гегеля, оставив ему небольшое наследство — по словам Дюранта, 1500 долларов (что, видимо, надо понимать как «1500 талеров» — ведь именно от этого слова происходит слово «доллар»). Этого было достаточно, чтобы не умереть с голоду, и Гегель написал своему другу Шеллингу письмо с просьбой порекомендовать ему какой-нибудь немецкий город, где он мог бы жить без особых трат, — с незатейливой местной кухней, хорошей библиотекой и «ein gutes Bier» (вкусным пивом). Шеллинг, который, несмотря на свою молодость, уже был профессором Йенского университета и пользовался огромной популярностью, недолго думая, предложил Гегелю приехать к нему. (Похоже, что ни Гегель, ни Шеллинг совсем не разбирались в пиве, что в принципе для философов не характерно. То пиво, которое я попробовал в Йене, уж точно не входило в Бундеслигу Великого Немецкого Пива. Потом мне сообщили, что его привезли из местной лечебницы для безнадежно больных, что, без сомнения, было весьма утешительно.)

Гегель приехал в Йену в 1801 году и получил место приват-доцента в университете. Жалование при-

ват-доцента напрямую зависело от числа студентов, посещавших его лекции. К счастью для Гегеля, у него были некоторые сбережения: сначала к нему на лекции ходили только четыре человека. (В отличие от своего великого учителя-метафизика Канта, который был отвратительным писателем и блестящим лектором, Гегель был последователен: слушать его лекции было так же трудно, как читать его книги.)

В конце XVIII века университет Йены был центром духовной жизни Германии. Время от времени здесь читал лекции по истории Шиллер; братья Шлегели и поэт Новалис закладывали здесь фундамент первой в Германии романтической школы, а идеалист Фихте знакомил студентов с новейшей посткантианской философией. Все эти поэтические фигуры уже покинули Йену к тому времени, когда туда приехал Гегель. Зато теперь там работал 26-летний Шеллинг, вдохновлявший студентов своей романтической философией природы. Гегелю вся эта романтика не нравилась, и он рассо-рился с Шеллингом.

Тем временем, несмотря на то, что посещаемость его лекций резко возросла (до 11 человек), денег у Гегеля оставалось все меньше. Но он не

искал легких путей. Проще представить себе ежа без иголок, чем Гегеля, изменившего своим принципам. Он ни на миг не поддавался соблазну сделать свои лекции интересными или хотя бы понятными. Как раз в это время Гегель начинал формулировать основные положения своей системы, причем делать это он предпочитал непосредственно в процессе общения со своими ни в чем не повинными слушателями. Вот слова одного верного последователя Гегеля, учившегося у него несколькими годами позже: «Начав запинаться уже на первом слове, он медленно продвигался вперед, потом начинал все сначала, останавливался, говорил и думал. Слушателям начинало казаться, что нужное слово никогда не будет найдено, и как раз тогда оно обязательно находилось... Теперь вы думали, что поняли мысль лектора, и ждали ее развития. Напрасно. Мысль, вместо того чтобы двигаться вперед, топталась на месте, и одни и те же слова повторялись снова и снова. Но если вы, утомившись, отвлекались хотя бы на минуту, нить рассуждений была безнадежно утеряна». И это — слова ученика, боготворящего своего учителя. О том, какое действие такие приемы обуче-

ния могли оказать на злополучного студента, просидевшего всю ночь за кружкой пива (из лечебницы), можно только догадываться.

С Гегелем надо было что-то делать. В конце концов кто-то не выдержал и обратился к Гете, который состоял тайным советником при веймарском дворе и был весьма влиятельным человеком. В результате Гегеля сделали экстраординарным профессором (что, по мнению некоторых его коллег, только подтвердило очевидное) и назначили ему жалование в размере 100 долларов.

Это позволило ему вплотную занятьсяписанием своего великого труда — «Феноменологии духа». Правда, феноменальная деятельность Гегеля не ограничивалась одним духом: как раз тогда обнаружилось, что его квартирная хозяйка беременна. Этот факт обычно лишь проскальзывает в его биографиях подобно тому, как алмазы мудрых мыслей изредка сверкают в лабиринтах его прозы. Блеснул — и погас, растаял во мраке. Но жизнь — не философская система, где истина подчас остается неразгаданной на протяжении многих лет после смерти автора. Квартирная хозяйка назвала Гегеля в качестве виновника.

Тем временем Наполеон расширял границы своей империи. Конфликт с Пруссией стал неизбежен, и в 1806 году французские войска вошли в Йену. Гегель, презиравший прусскую бюрократию, с восторгом встретил приход Наполеона. Но вряд ли это было отголоском юношеского романтизма. Скорее ему казалось, что на его глазах сам ход истории подтверждает верность его теорий. «Я видел, как через город проехал Наполеон, эта мировая душа». На следующий день французские солдаты начали грабить и поджигать дома на его улице, и Гегель, с «Феноменологией духа» в кармане пальто, был вынужден бежать к жившему неподалеку знакомому профессору (зная размер «Феноменологии духа», можно предположить, что у Гегеля было очень большое пальто). Пока французская и прусская армии сражались на подступах к городу, он дописывал свой шедевр. Предание гласит, что, когда солдаты начали возвращаться в город, Гегель оторвался от работы, выглянул в окно и спросил: «Кто победил?»

Победили французы, и восторгу Гегеля не было предела. Мировая душа победно шествовала по этому бездушному миру. Но после битвы при Йене уни-

верситет закрыли, и Гегель снова остался без денег. Единственным источником дохода для него теперь было профессорское жалованье. В следующем году была опубликована «Феноменология духа».

По общему признанию, эта книга является самым законченным и сложным произведением Гегеля. Благодаря Канту стало ясно, что любое мало-мальски серьезное философское сочинение должно содержать не менее 800 страниц. В этом отношении Гегель оказался достойным учеником своего учителя. Более того, он превзошел последнего в пространности изложения. В качестве примера приведу одно, далеко не самое длинное и трудное для понимания, высказывание: «Между тем, подобно тому, как сам дух не есть нечто абстрактно-простое, а есть система движений, в которой он различает себя в моментах, но в самом этом различении остается свободным, и подобно тому, как он вообще расчленяет свое тело по различным отправлениям и каждую отдельную часть тела определяет только для одного отправления, точно так же можно представить себе и то, что текучее бытие его внутри-себя-бытия есть бытие расчлененное и, по-видимому, его так и нужно представлять...» И так далее.

При первом знакомстве этот мухослон может показаться даже забавным. Но после прочтения двухсот-трехсот страниц подобного текста желание смеяться возникает не у всех.

Однако было бы ошибочным полагать, что такова вся «Феноменология духа». Автор постепенно (*очень* постепенно) подводит нас к кульминации — описанию Абсолютного Знания. Нелегко придумать предложение почти из семи строк, на всем своем протяжении абсолютно лишённое какого-либо смысла (не верите — попробуйте сами). Но Гегель уже вошел во вкус, и теперь ему ничего не стоило написать хоть сотню страниц в таком же духе: «Познавание чистых понятий науки в этой форме образований сознания составляет тот аспект их реальности, в котором их сущность, понятие, установленное в ней в своем простом опосредовании в качестве мышления, раскрывает моменты этого опосредования и проявляется, следуя внутренней противоположности» (из «Феноменологии духа»).

Гегель называл это «попыткой научить философию говорить по-немецки». Некоторые думают, что ему это удалось. Но эта порочная точка

зрения оскорбительна для немецкого языка, языка Гельдерлина и Рильке. Прежде чем чему-то учить философию, Гегелю, возможно, следовало бы самому научиться говорить по-немецки.

Но что же это все-таки значит? Если человек пишет 800-страничный труд — неважно, на каком языке, — должен же в этом быть хоть какой-то смысл! Вооружившись этим доводом, не одно поколение исследователей пускалось в путешествие по зыбучим пескам гегелевской прозы. Одни заканчивали его марксистами, другие — экзистенциалистами, а третьи не закончили вовсе (гегельянцы). Это неудивительно: в конце концов, Гегелю потребовалось десять томов, чтобы *вкратце* изложить свою систему (ожидается, что в новом собрании сочинений Гегеля, которое готовит к выпуску Deutsche Forschungsgemeinschaft, будет 50 с лишним томов). Поэтому любая попытка представить философию Гегеля в виде ограниченного набора формул будет напоминать попытку по маленькой косточке из кончика хвоста динозавра восстановить облик того неуклюжего чудовища, которому она принадлежала.

В «Феноменологии духа» Гегель описывает логический процесс восхождения человеческого

духа от обыденного сознания к Абсолютному Знанию через ряд промежуточных этапов: самосознание, разум, дух и религию. Эта идея и стала тем фундаментом, на котором он в дальнейшем выстроил свою универсальную систему.

Философская система Гегеля объясняла буквально все. Были ли эти объяснения верными? Ответ на этот вопрос зависит от того, под каким углом мы будем рассматривать структуру и динамику этой системы. В основу ее лег разработанный Гегелем оригинальный способ мышления — его прославленный диалектический метод. Исходным пунктом этого метода является «тезис». Например: бытие. По мысли Гегеля, тезис неизбежно представляется чем-то несовершенным и неполным. Попытка дать определение бытию рано или поздно приводит нас к противоположной идее — идее небытия. Но оказывается, что и антитезис — нечто несовершенное, недостаточное. В итоге две противоположности сливаются, образуя синтез, в данном случае — становление. Синтез вбирает в себя все рациональное, что есть в тезисе и антитезисе, и может, в свою очередь, стать новым тезисом. Благодаря этому описан-

ный выше процесс может повторяться, причем каждая новая триада оказывается все более рациональной, а значит, и более духовной. Поднимаясь по ступеням этой системы, дух постигает себя и свою значимость. Итогом этого процесса является Абсолютное Знание, которое определяется как «дух, познавший самого себя как дух».

Но все же ключевым моментом гегелевской системы остается диалектика. Ее законы действуют на всех ступенях развития — от области чистого разума до более приземленных сфер, таких как история, искусство, наука и т. д. Примером диалектики на этом уровне может служить следующая триада:

Тезис: архитектура

Антитезис: романтическое искусство

Синтез: классическая скульптура

Мы не будем обсуждать здесь, насколько верными эти построения кажутся нам лично. Сейчас важно, чтобы читатель получил представление о том, какое сырье шло в ход на этой универсальной «фабрике идей».

Еще один пример — более абстрактный, расплывчатый (и, естественно, лучше вписывающийся в предложенную Гегелем схему):

Тезис: всеобщность

Антитезис: единичность

Синтез: индивидуальность

На создание диалектического метода (сам философ называет его диалектической логикой) Гегеля подвигло похвальное стремление преодолеть главный недостаток логики традиционной, а именно — ее абсолютную бессодержательность. Логика всегда говорит только о себе самой. Возьмем традиционное логическое построение.

Все философы страдают манией интеллектуального величия.

Гегель — философ.

Следовательно, Гегель страдает манией интеллектуального величия.

Мы вполне могли бы сказать то же самое о магах, волшебниках и Мерлине. По сути все сводится к следующей схеме:

Все А есть В

Х есть А

Следовательно, Х есть В.

Как бы ни менялось содержание, логическая форма остается прежней. Гегель считал, что задача логики — в поиске истины. Но что такое исти-

на, если она лишена содержания? Традиционная логика не дает нам никакой информации; она не в состоянии обнаружить подлинную истину. Этот разрыв между формой и содержанием Гегель и стремился преодолеть.

Объясняя свою точку зрения, Гегель настаивает на том, чтобы его выслушали с начала до конца (уверяя нас, что, если не все в его рассуждениях покажется нам логичным, это не должно нас смущать: при целостном рассмотрении его аргументации все встанет на свои места). Прежде всего Гегель говорит, что задача логики — изучать мышление. Как мы уже знаем, вершиной диалектического процесса является Абсолютный Дух. Это высшая реальность, не зависящая от конкретных форм, которые дух принимает в процессе своего развития. Именно дух определяет развитие мира. Поэтому изучение закономерностей развития духа (мышления) позволит понять закономерности мирового развития.

Из сказанного выше следует, что объективная действительность не может существовать независимо от мысли. Действительно, в «Феноменологии духа» Гегель утверждает, что мысль есть объективная действительность, и наоборот. Мысль и

объективная действительность тождественны. Это значит, что, изучая мысль, логика изучает и действительность. Таким образом, предмет логики — «истина как таковая».

Итак, диалектика, в основе которой лежит триадический метод (тезис — антитезис — синтез) имеет как форму, так и содержание. Ее законы аналогичны законам развития духа; она стремится к постижению «истины как таковой». Поскольку тезис не способен вместить в себя все богатство содержания того или иного понятия, он порождает антитезис. Так, тезис «бытие» неизбежно порождает антитезис «небытие», а затем сливается с ним, образуя синтез «становление».

В этой системе, безусловно, заложено множество неожиданных, глубоких, плодотворных идей. Но все это, в сущности, поэтические идеи. Да и сама система Гегеля — это, в сущности, красивый поэтический вымысел. Правда, бабочка поэзии оказалась придавленной кувалдой прусской основательности. А ближе к подножию выстроенной Гегелем пирамиды идей можно обнаружить немало утверждений, которые не соответствуют действительности (Тезис: религия евреев. Антитезис:

религия римлян. Синтез: религия греков) или же просто бессмысленны (Тезис: воздух. Антитезис: земля. Синтез: огонь и вода). Отсюда становится очевидным, что, хотя сам Гегель и называл свою систему необходимой (в логическом смысле), многие ее положения произвольны. В ней нет той строгой логики, которую мы находим у того же Спинозы. А позже мы увидим, что в применении к менее отвлеченным сферам, таким как история, она может быть источником довольно опасных идей. (Идея о национальном лидере как воплощении «мировой души» могла быть объяснимой в XIX веке с его поэтическим культом Наполеона, но сегодня, учитывая опыт XX века, с ней вряд ли можно согласиться.)

Публикация этого труда не помогла Гегелю поправить свое финансовое положение. Университет был по-прежнему закрыт, и Гегель начал искать работу. Но тут случилось неизбежное. Диалектический процесс, происходивший все это время неподалеку, в положенное время увенчался синтезом: у квартирной хозяйки Гегеля родился сын.

Мальчика назвали Людвигом. Вскоре Гегель уехал из Йены и два года работал редактором

Vamberger Zeitung (Бамбергской газеты). Увы! Мы можем только догадываться о том, что он писал в своих передовицах. Судя по всему, все номера этой газеты за 1807/1808 гг. пришлось не по вкусу устремленному ввысь историческому процессу.

В 38 лет Гегель стал директором Нюрнбергской гимназии. Директорские обязанности были не слишком обременительными, и в течение 8 лет, которые он провел на этом посту, у него всегда было достаточно времени для занятий философией.

Гегель уже давно отказался от тезиса о революционном освобождении, зато антитезис данной идеи нашел в нем горячего сторонника. Лучшего директора гимназии нельзя было и пожелать. Гегель заявлял: «Смысл образования заключается в том, чтобы искоренить любые индивидуальные проявления фантазии и мысли, которые могут возникнуть у молодежи... Мысль, как и воля, должна начинать с послушания».

Подобно многим директорам школ, которые равнодушны к своей работе или просто ленивы, герр ректор Гегель превыше всего ставил дисциплину. Редко кто отваживался побеспокоить его, когда он работал у себя в кабинете. Вот воспоми-

нения одного из его учеников: «...мы с товарищем пошли к нему со своими жалобами. Какой нам был оказан прием! Мы еле ноги унесли».

Здесь возник еще один неожиданный антитезис. Гегель полюбил. Некоторым этот факт кажется не менее загадочным, чем понятие Абсолюта в гегелевской философии. Гегелю было 40 лет. Он был закоренелым холостяком (если не считать одной досадной оплошности). Годы напряженных занятий не прошли бесследно. У него было невыразительное одутловатое лицо — лицо преждевременно состарившегося человека — и жидкие волосы. Он был крепко сложен, но сутулился, а в обществе держался скованно. У Георга Вильгельма Фридриха Гегеля не было харизмы — это признавали даже его преданные ученики. Девушка, которую он полюбил, Мари фон Тухер, происходила из respectable нюрнбергской семьи. Ей было всего 18 лет.

Мари была подругой Жана Поля, популярного в то время писателя из ранних романтиков, и романтические разговоры о «чувстве» и «благородных порывах» не казались ей пустой болтовней. Гегель посвящал ей тяжеловесные стихи, в

которых детально разбиралась диалектическая природа любви. Да и на свиданиях он часто забывал, что разговаривает не с провинившимися школьниками, а с дамой сердца, и отчитывал ее за чрезмерную восторженность. Позже в одном из писем он будет просить прощения: «Признаюсь, когда мне приходится критиковать принципы, я слишком быстро забываю о том, в какой форме приверженность этим принципам выражена у конкретного человека — в данном случае, у тебя, — я отношусь к ним слишком серьезно, потому что вижу их общемировое значение, которого ты, может быть, и не замечаешь — а точнее, и вовсе не видишь». Интересно, что бы Гегель сказал, если бы Мари, как когда-то он сам, пошла на рыночную площадь сажать «дерево свободы»? Но интереснее всего то, что Мари фон Тухер, похоже, отвечала этому вечно брюзжащему ретрограду взаимностью.

В 1811 году они поженились. Свадьбу отпраздновали шумно и весело, хотя не обошлось и без эксцесса: внезапно появилась квартирная хозяйка из Йены и закатила скандал. Она возмущенно размахивала какой-то бумажкой, уверяя присут-

ствующих, что Гегель дал письменное обещание жениться на ней. По словам очевидца, «ее успокоили и пообещали возместить убытки».

Но нити старых привязанностей рвались болезненно. Когда о свадьбе узнала сестра Гегеля Христина, у нее случился нервный припадок (или, выражаясь сухим языком женоненавистников той эпохи, «ипохондриакальная меланхолия с приступами истерии»). Христина все это время работала гувернанткой; мысль о браке ей претила. Один поклонник сделал ей предложение, но она ответила отказом. С тех пор она начала «проявлять беспокойство», с ней творилось «что-то странное». Гегель предложил ей перебраться к нему, но Христина, мучительно ревновавшая брата, ни за что не согласилась бы жить с его женой под одной крышей и решила поселиться у родственников. Свое пребывание у них она начала с того, что целый день прорыдала на диване. По словам хозяйки дома, она выражала «глубокое недовольство» своим братом и «глубокую ненависть» к его жене. Состояние ее стало настолько серьезным, что пришлось поместить ее в психиатрическую лечебницу, где она пробыла около года.

Гегель сохранял свою привычную невозмутимость, но душевная болезнь сестры не могла не беспокоить его. Его по-прежнему мучили приступы депрессии. В это время он пишет о «погружении в темные области, где ничто не оказывается достоверным, твердым и определенным, где всюду встречаются яркие вспышки света, которые, однако, на краю пропасти благодаря своему яркому сиянию становятся тем более мутными, обманчивыми из-за своего окружения и порождают ложные отношения, кажущиеся истинным светом». Вспоминая то время, когда он начинал создавать свою философию, Гегель говорит: «Такой переломный момент вообще бывает в жизни каждого человека — мрачный период подавленности, через теснины которого он пробивается к уверенности в себе, к укреплению и утверждению самого себя, к уверенности в повседневной жизни; и если человек уже дошел до того, что утратил способность вновь обрести уверенность в привычной повседневной жизни, то он приходит хотя бы к утверждению уверенности в благородном внутреннем существовании». Многие психиатры видели здесь «поиск защиты, безопаснос-

ти, который переносится и в сферу абстрактного мышления». Вполне возможно, что гегелевская философия, возникающая под влиянием некоего внутреннего прозрения, была выражением глубокого душевного разлада. Такие предположения могли бы показаться нелепыми, если бы не тот факт, что диалектический метод Гегеля, который, по утверждению самого философа, отражает развитие духа, в своей основе шизоиден (хотя в нем же заложена и возможность излечения).

Насколько позволяют судить свидетельства современников, несмотря на все трудности, брак Гегеля с Мари фон Тухер был счастливым. У Мари родилось двое сыновей, Карл и Иммануил. Чуть позже из Йены приехал первый сын Гегеля — Людвиг: Гегель решил взять его к себе после того, как умерла его мать. Но все получилось совсем не так, как он рассчитывал. Людвиг не мог избавиться от мысли, что с ним поступают несправедливо. Судя по всему, он унаследовал львиную долю интеллекта отца. Пойдя по стопам последнего, он стал приверженцем крайне радикальных идей. Он хотел изучать медицину, но по настоянию Гегеля его отдали в обучение к торговцу. Людвиг убежал и завербовался в голландский

Иностраннный легион; его послали в Ост-Индию, где он вскоре умер от лихорадки.

В этот период Гегель создает еще одно выдающееся произведение — «Науку логики». Этот *magniloquum opus* знаменит в первую очередь тем, что ни собственно науки, ни собственно логики там и в помине нет. Под наукой Гегель понимал метафизику — прямую противоположность физики, а под логикой — свой диалектический метод. Если считать этот метод логичным, то нельзя не признать, что система Гегеля — самая строгая, емкая и последовательная из всех когда-либо существовавших философских систем. В противном случае возникает сильный соблазн счесть ее очередной метафизической химерой. (Сторонники последней точки зрения полагают, что Гегелю следовало бы назвать свою книгу «Метафизика метафизик» — такое название намного лучше отражало бы ее содержание.)

В «Науке логики» Гегель рассматривает не логику как таковую, а понятия, которыми оперирует логическое мышление. Это предложенные еще Кантом категории бытия, становления, отношения и т. д. По мнению Гегеля, самой важной

из этих категорий является категория отношения, а наиболее универсальным отношением — отношение противоречия. Так начинается диалектический процесс, протекающий по схеме «тезис — антитезис — синтез». Как мы уже знаем, Гегель считал мышление первоосновой всего существующего. Значит, диалектический процесс, лежащий в основе мышления, лежит и в основе всех явлений реального мира. Такова, по Гегелю, «наука» его логики: диалектика правит миром.

Здесь кроется основное различие между Гегелем и Кантом. Выдающийся ученый и блестящий логик, Кант имел полное право написать книгу о науке и логике. Гегель же подходил к философии с позиций историзма. Любовь к размаху проявляется у него не только в манере формулировать свои мысли. Гегель вообще мыслит глобально: мир для него — непрерывный процесс исторического развития. При таком подходе все конкретное, все, что «здесь и сейчас», отходит на второй план. Взгляд философа прикован к развитию мирового духа, все остальное тонет во мраке. Кант же, напротив, смотрит на вещи трезвым взглядом ученого. Сейчас в моде именно кантов-

ский подход, однако не исключено, что с завершением длительного периода экспансии в истории человечества гегелевский метод восстановит свои позиции.

Благодаря «Науке логики» Гегель прославился. Вышла только первая часть книги, а ему уже предлагали место профессора в университетах Гейдельберга и Берлина. Гегель выбрал Гейдельберг, куда и прибыл в 1816 году. Гегель — самый почитаемый из всех философов, работавших в этом университете на протяжении его многовековой истории, а на противоположном берегу реки даже есть тропинка, известная как «Тропа философов». Она вьется по склону холма над виноградниками; внизу виден старый мост через Некар, а на другом берегу возвышается замок, вокруг которого раскинулся древний университетский город. Много лет назад мне сказали, что эту тропинку назвали так в честь Гегеля, но потом оказалось, что это не так: Гегель терпеть не мог прогулок в сельской местности.

Прожив год в Гейдельберге, Гегель опубликовал «Энциклопедию философских наук в кратком очерке», которую студенты должны были читать в качестве подготовки к его лекциям. Эта книга со-

держит все основные положения его философии, а также помогает читателю проникнуть в тайны гегелевского словоупотребления и может стать важным подспорьем при расшифровке его высказываний. Как мы знаем, логику, да и не только логику, Гегель понимал своеобразно: если вы не были экспертом по китайской грамоте, существовала опасность, что содержание его лекций так и останется для вас загадкой. Даже объяснения простейших вещей теперь нуждались в расшифровке: «Обобщая вкратце моменты этого перехода качества в количество, можно сказать, что качественное имеет свою фундаментальную определенность в бытии и непосредственности, где мера и определенность настолько идентичны существованию чего-либо, что при их изменении это что-либо перестает существовать». (Недаром среди тех, кто разгадал дьявольски трудный код Enigma, использовавшийся нацистами во время Второй мировой войны, были специалисты по творчеству Гегеля.)

В «Энциклопедии» Гегель продолжает совершенствовать свою систему. Теперь она представлена в виде последовательности пирамидальных конструкций, завершающейся Высшей Тριάдой,

где тезис — Абсолютная Идея, антитезис — Природа, а синтез — Дух, или Абсолютная Реальность. Вся система может рассматриваться как Дух (Абсолютная Реальность), постигающий самое себя и свою значимость. Подобный путь проходят и индивиды: мы поднимаемся по ступеням этой системы, становясь разумнее, духовнее, все лучше постигая себя и свое место в мире.

Система Гегеля основана на принципе идеалистического монизма: все богатство и разнообразие мира вмещает в себя Мировой Дух — синтез Природы и Абсолютной Идеи. При этом, помимо принципа триадичности (тройственности), для нее характерен принцип цикличности, поскольку неотъемлемой ее частью является дифференция. Развитие происходит согласно диалектическому принципу: тезис порождает антитезис и так далее. Истина может быть познана только после того, как она дифференцировала себя, т. е. породила свой антитезис — заблуждение — и преодолела его. Подобным же образом Бог является бесконечным только потому, что он установил для себя ограничение — конечность — и преодолел его. (Нечто подобное есть и в Библии: грехопадение — необ-

ходимый этап на пути к истинной благодати.) Таким образом, развитие наряду с интеграцией (синтез) подразумевает дифференцию (порождение тезисом антитезиса).

Проработав два года в Гейдельберге, Гегель решил, что пора переходить к антитезису, и переехал в Берлин. В 1816 году он стал профессором философии в Берлинском университете, заняв место покойного Фихте. К этому времени Наполеон был разгромлен, и Пруссия вновь заняла доминирующее положение среди немецких государств. Когда Гегель приехал в Берлин, Пруссия вступала в полосу жесточайшей реакции. Гегель прожил в прусской столице 13 лет, став чем-то вроде местной достопримечательности. Его лекции неизменно собирали полные залы, а миазмы его философского влияния проникли в другие немецкие университеты в форме гегельянства.

Поскольку любое проявление политического инакомыслия теперь подавлялось, берлинские студенты и интеллигенция были вынуждены искать другое применение своим творческим силам. Интеллектуальная публика проводила время в занятиях живописью, музыкой, философией.

Гегель фактически стал официальным философом Прусского государства. В 1821 году он опубликовал «Философию права», посвященную вопросам политики и гражданских прав. Теперь он выступал за сохранение status quo и был ярким противником любых радикальных перемен в обществе. В своей новой книге он представил развитие общества в виде следующей триады:

тезис: абстрактные универсальные законы;

антитезис: сознание индивида;

синтез: нравственность общества.

Гегель считал, что это общество должно основываться на уважении к ценностям семьи и профессиональных объединений. Как ни странно, то идеальное государство, о котором он говорил, напоминало скорее не прусскую, а британскую модель государственного устройства. Его основополагающие принципы — парламентское правление, ограниченная власть монарха, суд присяжных и терпимое отношение к инакомыслящим — в первую очередь, к церковным ересям и евреям (насколько я могу судить, антисемитизм был совершенно чужд Гегелю, хотя в то время волна антиеврейских настроений буквально захлестнула прусское общество).

Тем временем Гегель продолжал заниматься своим обычным делом — морочил голову десяткам жадных до знаний студентов. За кафедрой он сидел, низко опустив голову, не отрывая глаз от лежащей перед ним толстой кипы конспектов, говорил чрезвычайно медленно, неуклюже продираясь сквозь бесконечные нагромождения придаточных предложений, все время искал что-то в своих записях — а нужное место никак не находилось, — и поскольку слова его то и дело прерывались приступами кашля, казалось, что каждое предложение он выдавливает из себя с огромным трудом. Но вот, завидев впереди спасительный свет чистой абстракции, Гегель преображался: речь его, только что казавшаяся такой запутанной и противоречивой, теперь звучала ярко и убедительно, мысль, избавившись от балласта значения, взмывала на недостижимую высоту и здесь, росла, словно независимо от воли автора, до тех пор, пока у последнего не случался очередной приступ кашля.

Случалось, что после лекции какой-нибудь окончательно сбитый с толку студент отправлялся вслед за Гегелем к нему на квартиру. Здесь ему открывалось довольно занятное зрелище: за ог-

ромным столом, заваленным книгами и бумагами, сидел человек с мучнисто-белым лицом, закутанный в серо-желтый халат до пола. Начиная нескладный разговор, который, однако, вскоре прерывался: Гегель задумывался о чем-то своем, начинал перебирать бумаги, что-то бормоча себе под нос, и проходило немало времени, прежде чем он вспоминал о своем собеседнике.

В это время Гегель почти ничего не печатал, но благодаря нескольким верным криптографам из числа студентов до нас дошли записи его лекций. Эти конспекты, опубликованные в собрании сочинений Гегеля, представляют собой наиболее полное изложение его взглядов на эстетику и религию, а также его концепции всемирной истории. Гегель сводит историю человечества к пресловутому «диалектическому процессу» (впоследствии этот ложный тезис взяли на вооружение марксисты). Утверждается, что история имеет цель (для Гегеля это божественная воля, для Маркса — коммунистическая утопия). Великие империи прошлого — Китай, Древняя Греция, Рим — всего лишь этапы на пути Абсолютного Духа к этой высшей цели. Пробравшись между песчаными замками на

берегу океана времени, Дух наконец-то находит свое полное воплощение в величии Прусского государства. Прусская монархия объявляется идеалом государственного устройства (стоит ли удивляться, что в сравнении с ее могуществом права отдельно взятого индивида оказываются чем-то *очень* второстепенным?). «Мы увидим при рассмотрении истории философии, что в других европейских странах, в которых ревностно занимаются науками и совершенствованием ума и где эти занятия пользуются уважением, философия, за исключением названия, исчезла до такой степени, что о ней не осталось даже воспоминания, не осталось даже смутного представления о ее сущности; мы увидим, что она сохранилась лишь у немецкого народа в качестве его своеобразной черты. Мы получили от природы высокое призвание быть хранителями этого священного огня, подобно тому, как некогда роду Евмолпидов в Афинах выпало на долю сохранение элевзинских мистерий или жителям острова Самофракии — сохранение и поддержание возвышенного религиозного культа; подобно тому, как еще раньше мировой дух сохранил для еврейского народа высшее сознание, что

он, этот дух, произойдет из этого народа как новый дух».

Конечно, Гегель не призывал поступать с предыдущими хранителями «священного огня» — высшего разума — так, как с ними поступали нацисты в XX веке. Он ужаснулся бы жестокости Гитлера и зверствам Третьего Рейха. Но в том, что он писал такие глупости, хорошего тоже мало.

Гегель стремится смотреть на историю предельно широко, называя свой подход «всемирно-историческим». История рассматривается им как процесс самореализации: человечество идет по пути саморефлексии и самопознания, постепенно приближаясь к пониманию своего единства и предназначения. Гегель заявлял, что, осмысливая процесс своей самореализации как значимое целое, мы делаем своим достоянием историю всего человечества. Поэтому цель истории состоит всего-навсего в том, чтобы постичь смысл жизни.

Прогресс, «понимание прошлого», смысл жизни... Назвать такой подход всемирно-историческим можно разве что с большой натяжкой. Эти идеи, родившиеся в Германии начала XIX века, вполне соответствовали духу своей страны и своей

эпохи. Разрозненные германские земли объединялись в единое государство, ставшее впоследствии одним из сильнейших в Европе; набирала обороты промышленная революция; начинался золотой век научных открытий; европейские колониальные державы распространяли свое влияние на самые отдаленные уголки планеты.

С точки зрения человека конца XX столетия все выглядит иначе. «Прогресс» уже не рассматривается как нечто неизбежное, и человечество даже примирилось с возможностью собственного исчезновения. А роль Абсолюта все чаще отводится науке, а не духу. Все это гегелевская философия объяснить бессильна, так же, как порожденный ею марксизм бессильно объяснить, почему «неизбежный крах капиталистической системы» упорно не хочет наступать. Для нас история человечества — не столько реализация заранее предначертанного плана, сколько научный эксперимент, на исход которого мы вполне можем повлиять.

Такое видение истории не помешало Гегелю высказать ряд ценных мыслей. Он едва ли не единственный среди мыслителей XIX века, кто предвидел рост влияния Америки: «Америка есть стра-

на будущего, в которой впоследствии... обнаружится всемирно-историческое значение». Маркс, Ницше, Жюль Берн — ни один из великих пророков XIX века ни слова не говорит о самой значительной из всех перемен, произошедших на международной арене в XX веке.

В 1830 году Гегель был назначен ректором Берлинского университета, а год спустя король Фредерик-Вильгельм III наградил его орденом Красного орла. Но проделки мирового духа начинали не на шутку тревожить его. В 1830 году во Франции произошла очередная революция, и Гегель уже не пошел сажать «дерево свободы». Когда эхо событий во Франции докатилось до Берлина и в городе началось народное восстание, мысль о возможности захвата власти народом так потрясла Гегеля, что он слег в постель. Через год в *Preussische Staatszeitung* появилась его статья, в которой он подверг критике «Билль о реформе», обсуждавшийся в то время в английском парламенте, и высказал свое отношение к британской демократии.

По мнению Гегеля, британская конституция не идет ни в какое сравнение с «рациональными

институтами» Прусского государства. А народное правление (даже в той ограниченной форме, в которой оно существовало тогда в Великобритании), несомненно, является помехой для движений в ритме вальса («Диалектический бостон»), совершаемых мировым духом. Правительству не стоит даже пытаться выразить волю народа. «Народ никогда не знает, чего он хочет». Но даже эти высказывания показались прусским властям слишком революционными, и при повторной публикации статья вышла с купюрами.

В 1831 году в Германии свирепствовала холера. Эпидемия не обошла стороной и Берлин, и Гегель решил на лето переехать за город. Но он не мыслил себя без университета, и ничто, даже холера, не могло помешать ему снова подняться на кафедру. В ноябре он приезжает в Берлин и два дня подряд читает лекции, причем делает это «с поразившими слушателей огнем и энергией выражения». (Биограф Гегеля Розенкранц связывает это не свойственное философу красноречие с начинавшейся у него холерой.) На третий день Гегель заболел, а днем позже — 14 ноября 1831 года — его не стало. Смерть была легкой: он умер во сне,

даже не подозревая, что его жизнь в опасности. Гегеля похоронили, как он и завещал, рядом с могилой Фихте. Теперь его могила на кладбище Доротеенштадт, что лежит к северу от центра города, — национальная святыня.

Получив известие о смерти брата, Христиана начала писать книгу, где рассказывала об их с Гегелем детстве в отчем доме. Рукопись она послала вдове Гегеля, а сама некоторое время спустя утопилась.

Через несколько лет в Берлин приехал Карл Маркс. Он поступил в Берлинский университет, где и познакомился с философией Гегеля. Восприняв и переосмыслив ее основные положения, он создал собственную систему — диалектический материализм. Такого поворота в развитии мирового духа Гегель уж точно не предвидел.

Послесловие

Гегель хотел, чтобы к его идеям относились серьезно, и его желание сбылось: гегельянство распространилось по всей Европе. Освящавшее существовавший общественный строй, оно было настоящей находкой для прусских и британских властей. Если бы этот великолепнейший, запутаннейший гимн во славу буржуазного государства не был сложен Гегелем, его в любом случае следовало бы придумать.

Философия Гегеля отвечала всем требованиям своей эпохи. Порядок, дисциплина, убежденность в самоценности труда и очищающей природе страдания, вера в истинность системы, философские основания которой лежат за пределами человеческого познания, — вот те принципы, которым должны

следовать читатели Гегеля. Гегельянство напоминало игру в бисер на сукне космического пространства; немало партий в этой игре было сыграно выдающимися мыслителями того времени. И если бы у Европы впереди была еще одна эпоха Средневековья, гегельянство так и осталось бы изошренной интеллектуальной забавой, а диалектика приобрела бы еще большее значение для теоретической мысли. Однако в той эпохе, которая вот-вот должна была наступить, было все, кроме средневековой стабильности.

Хотя... Попытки вернуть человечество в Средние века, безусловно, предпринимались — в разной форме, но с одинаково ужасающими результатами. Однако вряд ли нужно перекладывать вину за бесчеловечные деяния таких «экспериментаторов» на одинокого профессора в желто-сером халате. Он выражал свои мысли слишком запутанно, они же — лгали. Результатом его стремления понять мир стало рождение одной из величайших иллюзий в истории философии; они, даже не попытавшись понять мир, решили изменить его.

Иногда говорят, что гегельянство — это предельно усложненный платонизм. Платон считал,

что помимо хаотичного мира вещей, который, как нам кажется, нас окружает, существует мир абстрактных идей, и только эти идеи обладают подлинным бытием. Все предметы чувственно воспринимаемого мира реальны лишь постольку, поскольку в них присутствуют те или иные абстрактные идеи. Так, красный мяч сочетает в себе идеи округлости, красноты и т. д. Но в гегельянстве простая мелодия платоновских идей трансформировалась в бесконечный оперный цикл, помпезности которого позавидовал бы сам Вагнер.

Любопытнее всего то, что создатели этих грандиозных систем, по всей видимости, старались не напрасно. Сами того не подозревая, они выполнили важную историческую миссию. Алхимия была насквозь пропитана духом метафизики и интеллектуального гурманства, однако сегодня никто не станет отрицать, что именно она стала колыбелью тех идей, которые впоследствии легли в основу химии. Возможно, сходный процесс происходил и в философии XIX века: она стала колыбелью самого амбициозного эксперимента в истории человеческой мысли — попытки дать окружающему миру всестороннее систематическое объяснение. Интеллек-

туальная алхимия, необходимая для осуществления такого эксперимента, успешно продолжала развиваться, в то время как наука еще только набирала силу. Однако в конце концов восторжествовал реализм. Наука, на каком бы шатком фундаменте она ни зиждилась, вызывает у нас больше доверия, чем метафизика, способная любой философский металлолом переплавить в чистое золото.

Гегельянцы считали свою философию образцом научной строгости. Как мы увидели, диалектический метод не был ни научным, ни логичным. Но хуже всего было то, что гегельянцы верили в Абсолют, «основанный на структуре науки». Представление об этом Абсолюте как о высшей реальности привело их к довольно неприглядным выводам. За реальным миром — а значит, и его обитателями — не признается никакой самостоятельной ценности, а индивид рассматривается как нечто, «в действительности не существующее» и представляющее интерес лишь как часть исторического процесса. Эта гибельная идея и стала причиной появления крупнейших политических напастей, поразивших человечество в XX веке.

Из произведений Гегеля

Все разумное действительно, все действительное разумно.

«Философия права», предисловие

Нетрудно показать, что понятие философии присутствует даже в нашем обыденном мышлении. Такое мышление начинается с наших непосредственных представлений и желаний, однако вскоре у нас появляется потребность выйти за их пределы, мы стремимся к познанию чего-то несравнимо большего, чем мы сами — бесконечного бытия и бесконечной воли.

«Энциклопедия философских наук в кратком очерке»

Подобно пространству, время есть чистая форма чувственного восприятия, или интуиции. Оно является непременным условием всякого непосредственного активного восприятия, то есть всякого опыта и всего, что дается нам в опыте. Природа — процесс, протекающий во времени и пространстве. Подчеркивая ее пространственный аспект, мы имеем в виду ее объективную природу; подчеркивая ее временной аспект, мы имеем в виду ее субъективную природу.

Природа представляется нам бесконечным и непрерывным процессом становления. Все вещи, появляясь и исчезая во времени, не просто существуют во времени, но и вообще обладают временной природой. Время — это способ существования.

«Энциклопедия философских наук в кратком очерке»

Логика есть наука о чистом рассудке и чистом разуме, о присущих им определениях и законах. Соответственно этому все логическое имеет три стороны: 1) абстрактную, или рассудочную; 2) диалектическую, или негативно-разумную; 3) спеку-

лятивную, или позитивно-разумную. Рассудочность не идет дальше понятий в их твердой определенности и различии; диалектичность показывает эти понятия в их переходе и в их превращении друг в друга; спекулятивность, или разумность, схватывает единство понятий в их противоположности или же позитивное — в его разложении и переходе.

Философская пропедевтика

Предмет философии, в отличие от предметов частных наук, не является чем-то заранее определенным. В случае частных наук предмет исследования известен еще до того, как начнется само исследование. Науки интерпретируют собранные таким образом факты, а затем соотносят свои выводы с этим исходным материалом. Им не приходится оправдывать необходимость изучения того материала, которым они занимаются. Существование математики, юриспруденции, медицины, зоологии, ботаники и т.д. естественным образом предполагает существование величины, пространства, числа, права, болезней, животных, растений...

В философии дело обстоит иначе. Она начинается с сомнений и споров... Философия открывается вопросом о себе самой.

Предмет философии и ее метод нельзя установить, не начав философствовать. Вопрос о предмете и методе философского мышления — вот основной вопрос, на который стремится ответить философия. В этом и состоит главная трудность. С одной стороны, философия изучает саму себя. С другой стороны, она должна считаться с внешним миром. Это необходимое соединение непосредственного и опосредованного и есть философия.

«Энциклопедия философских наук в кратком очерке»

Опыт и история учат, что народы и правительства никогда ничему не научились из истории и не действовали согласно поучениям, которые можно было бы извлечь из нее.

Лекции по философии всемирной истории, введение

¹ Цит. по: Философия права. М., 1990. Перев. Б.Г. Столпнера и М.И. Левиной.

«...независимость от него [общественного мнения] есть первое формальное условие совершения чего-либо великого и разумного (как в действительности, так и в науке). Можно быть уверенным, что впоследствии общественное мнение примирится с достигнутым и превратит его в один из своих предрассудков¹.»

«Философия права»

В этом своем качестве всеобщей семьи гражданское общество обязано и имеет право надзирать за воспитанием детей и влиять на него, пресекая произвол и случайные намерения родителей, поскольку оно имеет отношение к способности человека стать членом общества, и особенно в тех случаях, когда воспитание совершается не родителями, а другими лицами.

«Философия права»

Мы, немцы, — гегельянцы, даже если бы никогда не было Гегеля, поскольку мы (в противоположность всем романцам) инстинктивно приписываем деланию, развитию более глубокий смысл и более богатую цену, чем тому, что

«есть» — мы едва верим в обоснование понятия «быть».

Фридрих Ницше, «Веселая наука», афоризм 357

Интересно, как воспримет твоя вольная, если не сказать анархическая, натура пытку в виде «испанских сапог», чем является мой метод, с помощью которого я заставляю дух двигаться?

Письмо № 167 Синклеру (набросок), середина октября 1810 года¹

Что касается претензий философии на самостоятельный и даже высочайший интерес, то преподаватель должен помимо всего прочего безоговорочно признать, что философия имеет такое значение только для немногих.

Письмо № 152 ван Герту, Нюрнберг, 16 декабря 1809 года¹

Только в государстве возможно разумное существование человека. Цель всякого образования со-

¹ Цит. по: Гегель. Работы разных лет. М., 1971. Перев. И.Г. Арзаканьяна и А.В. Михайлова. С. 316.

стоит в том, чтобы помочь человеку преодолеть свою исключительно субъективную природу и обрести объективное существование в государстве... Всем своим существованием человек обязан государству... Вся его ценность, вся его духовная действительность — результат его вхождения в государство.

Лекции по философии всемирной истории

В истории мы имеем дело с тем, что было, и с тем, что есть; в философии же не с тем, что только было, и не с тем, что еще только будет, а с тем, что есть и вечно есть — с разумом.

Лекции по философии всемирной истории

Нравственный мир показал лишь отошедший в нем дух, единичную самость как свою судьбу и свою истину. Но это правовое лицо имеет свою субстанцию и осуществление вне себя. Движение мира образованности и веры снимает эту абстракцию лица, и благодаря совершенному отчуждению, благодаря высшей абстракции субстанция для самости духа превращается сперва во всеобщую волю и, наконец, в ее собственность. Таким образом, здесь знание, по-видимому, стало, наконец, совер-

шенно равным своей истине, ибо его истина есть само это знание, и всякая противоположность обеих сторон исчезла; и притом не *для нас* или *в себе*, а для самого самосознания. А именно оно овладело противоположностью самого сознания. Последнее покоится на противоположности достоверности себя самого и предмета; но теперь для него сам предмет есть достоверность себя, есть знание, — равным образом и достоверность его самого как таковая не имеет более собственных целей, следовательно, не находится более в определенности, а есть чистое знание.

«Феноменология духа»¹

Стихия наличного бытия всеобщего духа, который в искусстве есть содержание и образ, в религии — чувство и представление, в философии — чистая свободная мысль, представляет собой во всемирной истории духовную действительность во всем объеме ее внутренних и внешних сторон. Она есть суд, потому что в ее в себе и для себя сущей всеоб-

¹ Цит. по: Гегель. Система наук. Часть первая. Феноменология духа. Перев. Г. Шпета. М., 1953.

щности особенное, пенаты, гражданское общество и духи народов в их пестрой действительности, суть только как идеальное, а движение духа в этой стихии состоит только в том, чтобы изобразить это...

Далее, всемирная история не есть просто суд, творимый силой мирового духа, т. е. абстрактная и лишенная разума необходимость слепой судьбы, но поскольку мировой дух есть в себе и для себя разум, для себя бытие разума в духе есть знание, то всемирная история есть необходимое только из понятия свободы духа развитие моментов разума и тем самым самосознания и свободы духа — истолкование и осуществление всеобщего духа.

История духа есть его деяние, ибо он есть только то, что он делает, и его деяние состоит в том, что он делает себя здесь — себя в качестве духа — предметом своего сознания, в том, чтобы постигнуть себя, истолковывая себя для себя самого. Это постижение есть его бытие и начало, и завершение постижения есть вместе с тем его овнешнение и переход. Вновь постигающий, выражаясь формально, это постижение и, что то же самое, возвращающийся из овнешнения к себе дух есть дух более вы-

сокой ступени по сравнению с тем, каким он был на ступени того первого постижения.

«Философия права», Всемирная история

У Гегеля есть страницы, которые оказывают на читателя такое же действие, как стихи Малларме. Они будят наше воображение, передавая тончайшие оттенки чувства. Однако словесные наркотики и гипнотические формулировки не должны навязываться нам под видом истины.

Джованни Папини

Важные даты в философии

VI в. до н. э. — с Фалеса Милетского начинается западная философия.

Конец VI в. до н. э. — Смерть Пифагора.

399 г. до н. э. — Сократа приговаривают к смерти в Афинах.

387 г. до н. э. — Платон открывает Академию в Афинах, первый университет.

335 г. до н. э. — Аристотель основывает в Афинах Лицей, школу, конкурирующую с Академией.

324 г. н.э. — император Константин перемещает столицу Римской империи в Византию.

400 н.э. — Августин Блаженный пишет «Исповедь». Философию поглощает христианская теология.

410 г. н.э. — осада Рима вестготами и начало Темных веков Средневековья.

529 г. н.э. — закрытие императором Юстинианом афинской Академии знаменует собой конец эллинистической культуры.

Середина XIII в. — Фома Аквинский пишет комментарий к трудам Аристотеля. Эпоха схоластики.

1453 — Захват Константинополя турками, гибель Византийской империи.

1492 — Колумб достигает берегов Америки. Флорентийское Возрождение и возобновление интереса к греческой культуре.

1543 — Коперник публикует работу «Об обращении небесных сфер», математически доказывая, что Земля вращается вокруг Солнца.

1633 — Галилей под давлением церкви отрывается от гелиоцентрической теории вселенной.

1641 — Декарт издает «Философские рассуждения»; рождение современной философии.

1677 — после смерти Спинозы выходит в свет его «Этика».

1687 — Ньютон публикует «Принципы», вводя понятие гравитации.

1689 — Локк пишет «Опыты о человеческом разумении». Возникновение эмпиризма.

1710 — Беркли издает «Принципы человеческого познания», расширяя горизонты эмпиризма.

1716 — смерть Лейбница.

1739—1740 — Юм публикует «Трактат о человеческой природе», доводя эмпиризм до его логического завершения.

1781 — Кант, разбуженный от «догматического сна» Юмом, пишет «Критику чистого разума». Начало великой эпохи немецкой метафизики.

1807 — выходит в свет произведение Гегеля «Феноменология духа», шедевр немецкой классической философии.

1818 — Шопенгауэр публикует работу «Мир как воля и представление», внося в немецкую метафизику элементы индийской философии.

1889 — провозгласивший смерть Бога Ницше теряет рассудок в Турине.

1921 — Витгенштейн пишет «Логико-философский трактат», в котором утверждает, что нашел «окончательное решение» проблем философии.

1920-е — Венский кружок разрабатывает логический позитивизм.

1927 — издается «Бытие и время» Хайдеггера, провозгласившего разрыв между аналитической и континентальной (европейской) философскими традициями.

1943 — Сартр публикует работу «Бытие и ничто», в которой развивает мысли Хайдеггера и кладет начало экзистенциализму.

1953 — посмертная публикация «Философских исследований» Витгенштейна. Расцвет эпохи лингвистического анализа.

Эпоха Гегеля

1770 — родились Гельдерлин, Бетховен и Вордсворт.

1776 — английские колонии в Америке добились независимости от метрополии. Создание Соединенных Штатов Америки.

1786 — смерть Фридриха Великого.

1789 — Французская революция.

1793 — правительство Робеспьера. Начало террора.

1806 — победа Наполеона в битве при Йене

1813 — рождение Вагнера.

1813 — Наполеон потерпел поражение в битве при Ватерлоо и был сослан на остров Св. Елены. Великобритания окончательно подчинила себе Индию.

1819 — Симон Боливар начинает борьбу за освобождение Латинской Америки от колониального ига Испании.

1821 — Фарадей создал первый электродвигатель.

1825 — создание первой железной дороги. Стефенсон открывает линию «Стоктон — Дарлингтон».

1829 — Великобритания полностью подчинила себе Австралию.

1830 — Греция добилась независимости от Османской империи.

1831 — Дарвин отправился на корабле «Бигль» на Гапагосские острова.

1832 — смерть Гете в Веймаре.

Хронология жизни Гегеля

1770,27 августа — родился в Штутгарте

1781 — как и другие члены семьи, перенес тяжелую лихорадку. Смерть матери.

1788 — изучает богословие в Тюбингенском университете, где знакомится с Гельдерлином и Шеллингом.

1793 — окончив Тюбингенский университет, поступает на должность домашнего воспитателя в Берне.

1796 — Гельдерлин помогает Гегелю получить место воспитателя во Франкфурте.

1799 — умирает отец Гегеля, оставив ему небольшую сумму денег.

1801 — благодаря протекции Шеллинга получает место приват-доцента в Йенском университете.

1806 — завершает «Феноменологию духа» в день победы Наполеона при Йене.

1807 — становится редактором Бамбергской газеты.

1808 — становится директором гимназии в Нюрнберге.

1811 — женится на Мари фон Тухер.

1812 — публикует первую часть «Науки логики» (книга будет завершена 4 года спустя).

1817 — публикует «Энциклопедию философских наук в кратком очерке».

1818 — становится профессором философии в Берлинском университете.

1821 — выходит «Философия права».

1830 — до глубины души потрясен известием о беспорядках в Берлине. Назначен ректором Берлинского университета.

1831, 14 ноября — умирает от холеры в Берлине.

Об авторе

Пол Стретерн — автор лекций по философии и математике; живет и работает в Лондоне. Лауреат премии Сомерсета Моэма, он написал ряд книг по истории и путешествиям, а также пять новелл. Его статьи выходили в известных периодических изданиях, таких как «Обсервер» (Лондон) и «Айриш таймс». Степень по философии он получил в Тринити колледж (Дублин).

Именной указатель

Вергилий 9
Верн, Жюль 52
Гегель, Христиана 13,37,54
Гельдерлин, Фридрих 4,11,17,27
Гете, Иоганн Вольфганг фон 23
Демосфен 9
Диалектический метод 28-33,44
Йенский университет 20,21,24,25
Кант, Иммануил 4,12,13, «Критика чистого разума» 12
Маркс, Карл 5,48,52,54
Наполеон 24,45
Ницше, Фридрих 52, «Веселая наука» 63-64

Новалис 21
Папини, Джованни 68
Платон 56
Природа 15
Рильке, Райнер Мария 27
Слабое здоровье 7,15,38,53
Софокл, «Антигона» 10
Спиноза, Бенедикт 18-19
Тропа философов 42
Тухер, Мари фон 35-36
Фихте, Иоганн Готтлиб 21,54
Французская революция 4,5,12
Шеллинг, Фридрих фон 12,20,21
Шиллер, Фридрих фон 21
Шлегель, Август Вильгельм фон 21
Шлегель, Фридрих фон 21
Шопенгауэр, Артур 6,7
Юм, Давид 12,13
Bamberger Zeitung 34
Preussische Staatszeitung 52

www.infanata.org

Электронная версия данной книги создана исключительно для ознакомления только на локальном компьютере! Скачав файл, вы берёте на себя полную ответственность за его дальнейшее использование и распространение. Начиная загрузку, вы подтверждаете своё согласие с данными утверждениями! Реализация данной электронной книги в любых интернет-магазинах, и на CD (DVD) дисках с целью получения прибыли, незаконна и запрещена! По вопросам приобретения печатной или электронной версии данной книги обращайтесь непосредственно к законным издателям, их представителям, либо в соответствующие организации торговли!

www.infanata.org

Научно-популярное издание

Философы за 90 минут

Пол Стретерн

ГЕГЕЛЬ ЗА 90 МИНУТ

Ответственный редактор *Л. Ф. Пирожкова*
Технический редактор *Т. П. Тимошина*
Корректор *И.Н. Мокина*
Компьютерная верстка *А.Л. Павловой*

ООО «Издательство АСТ»
170000, г. Тверь, пр. Чайковского, д. 19а, оф. 214

ООО «Издательство Астрель»
129085, г. Москва, пр-д Ольминского, д. 3а

Наши электронные адреса: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru
E-mail редакции: magistr@astrel.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ОАО «Издательство «Самарский Дом печати».
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.